

DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.054
УДК 314.145(470) + 314.6 + 316.343.64

Л. Н. Мазур
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ КАТАСТРОФЫ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.*

В статье анализируется влияние демографических катастроф первой половины XX в. на размер, структуру и функции крестьянской семьи и особенности ее демографического перехода. Рассмотрено понятие демографической катастрофы, его количественные и качественные критерии, механизмы воздействия на демографические процессы, структуру, функции семьи и семейно-брачное поведение. Отмечено, что в силу объективных и субъективных причин сельское население оказалось объектом, наиболее пострадавшим от демографических катастроф.

В качестве источниковой базы для изучения эволюции крестьянской семьи были использованы данные бюджетной статистики, в частности, обследований крестьянских хозяйств Урала 1928/1929 г. В Государственном архиве Свердловской области сохранились первичные формы бюджетных обследований, которые были преобразованы в базу данных и послужили основой для характеристики особенностей развития крестьянской семьи в первой трети XX в. Сведения бюджетной статистики были дополнены данными всесоюзных переписей населения 1926, 1939 и 1959 гг., что позволило провести сравнительный анализ различных видов источников и оценить их достоверность.

Изучение количественно-качественных характеристик крестьянской семьи показало неоднозначное влияние демографических катастроф на семейные процессы: с одной стороны, они ускорили демографический переход от сложной многопоколенной семьи к простой нуклеарной, а с другой — способствовали

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 18-09-00592 «Эволюция крестьянской семьи на Среднем Урале в XX веке: опыт реконструкции по материалам бюджетных обследований».

сохранению многих традиционных черт семейной организации. На фоне половозрастных диспропорций в структуре сельского населения и сохранения традиционных семейных отношений в крестьянской среде происходит формирование новых моделей брачного поведения и семейной структуры, характерных для завершающей стадии демографического перехода.

Ключевые слова: демографическая катастрофа; крестьянская семья; дворовое хозяйство; демографический переход; структура и функции семьи.

Цитирование: Мазур Л. Н. Демографические катастрофы как фактор трансформации крестьянской семьи в России первой половины XX в. DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.054 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 168–187.

Поступила в редакцию 28.06.2019

Принята к печати 14.08.2019

Ludmila N. Mazur

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

DEMOGRAPHIC CATASTROPHES AS A FACTOR OF TRANSFORMATION OF THE PEASANT FAMILY IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

This article analyses the impact of demographic disasters of the first half of the 20th century on the size, structure, and functions of the peasant family and the features of its demographic transition. The author considers the concept of a demographic catastrophe, its quantitative and qualitative criteria, mechanisms of influence on demographic processes, structure, functions of the family, and family-marriage behaviour. It is noted that due to objective and subjective reasons, the rural population turned out to be the most affected by demographic disasters.

The evolution of the peasant family is studied with reference to budget statistics, i.e. budget surveys of Ural peasant households between 1928 and 1929. The State Archive of Sverdlovsk Region has kept the primary forms of budget surveys that were used as a basis for the database reflecting the characteristics of the peasant family development in the first third of the 20th century. Additionally, the author relies on the data of the all-Union population censuses of 1926, 1937 and 1939, which make it possible to conduct a comparative analysis of various types of sources and assess their reliability.

The study of quantitative and qualitative characteristics of the peasant family make it possible to conclude that demographic catastrophes had an ambiguous effect on family processes: on the one hand, they accelerated the demographic transition from a complex multi-generation family to a nuclear one, and on the other, they contributed to the preservation of many traditional features of the family organisation. Together with gender and age disproportions in the structure of the rural population and the revival of traditional family relations in the peasant environment, new

patterns of marriage behaviour and family structure are typical of the final stage of the demographic transition.

Key words: demographic catastrophe; peasant family; household; demographic transition; structure and functions of the family.

Acknowledgements

The study is supported by *Russian Foundation for Basic Research*, grant 18-09-00592 “The Evolution of the Peasant Family in the Middle Urals in the 20th Century: An Attempt at Reconstruction according to Budget Study Materials”.

Citation: Mazur, L. N. (2019). Demograficheskie katastrofy kak faktor transformatsii krest'ianskoi sem'i v Rossii pervoi poloviny XX v. [Demographic Catastrophes as a Factor of Transformation of the Peasant Family in Russia in the First Half of the 20th Century]. *Izvestia. Ural Federal University, Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 3 (190), 168–187. doi: 10.15826/izv2.2019.21.3.054

Submitted on 28 June, 2019

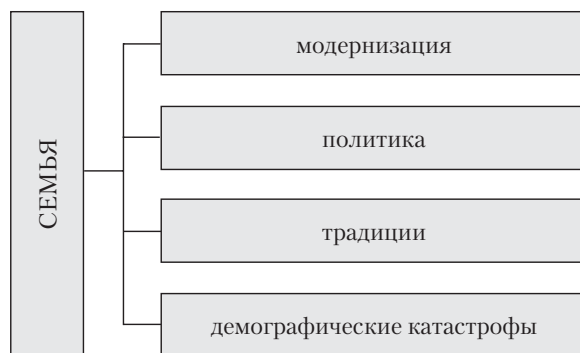
Accepted on 14 August, 2019

Вторая половина XIX — XX в. — время активного социального транзита, затронувшего все сферы жизни общества, в том числе его первичную ячейку — семью. Этот период получил название демографического перехода, результатом которого стала кардинальная структурно-функциональная перестройка семьи из преимущественно сложной многопоколенной в простую нуклеарную. Быстрее этот процесс протекал в городе, где уже в начале XX в. в среде мещанства и разночинцев были заметны существенные сдвиги в семейно-брачном поведении. Медленнее демографический переход происходил в крестьянской среде, поскольку цементирующим фактором здесь выступала хозяйственная деятельность. Крестьянская семья — это хозяйство, которое живет по экономическим законам семейного производства с учетом таких параметров, как оптимальный размер, разделение труда, специализация, кооперация, эффективность. Экономика дворохозяйства в значительной степени определяла семейно-брачное поведение крестьян.

Если систематизировать все факторы влияния на развитие крестьянской семьи в XX в. и, соответственно, на темпы демографического перехода, то появляется возможность их разделения на внешние и внутренние. Внешние факторы формируют основной тренд эволюции семьи. К ним относятся такие глобальные процессы, как индустриализация, в том числе сельскохозяйственная, урбанизация и эмансипация, объединяемые общим понятием «модернизация». Их дополняют внешние субъективные факторы, преимущественно политического характера (брачно-семейное законодательство, демографическая, налоговая, аграрная политика). К субъективным факторам следует отнести также идеологию, на которую опирались политические решения (см. рисунок).

Внешние субъективные факторы ускоряют или замедляют процессы семейных трансформаций и определяют их специфику. Это хорошо иллюстрирует

советский опыт. Наиболее заметное влияние идеология оказывала на семью в раннесоветский период, когда было принято новое семейное законодательство, отменившее церковный брак, утвердившее принцип равенства брачных партнеров и разрешившее развод по желанию супругов. В целом, семейная политика большевиков способствовала демократизации и огосударствлению института семьи, с одной стороны, разрушая ее патриархальные основы, освобождая женщин от «кухонного рабства», а с другой — способствуя включению семьи через профсоюзы и другие социальные институты в публичную сферу, расширяя тем самым замкнутый мир семьи. В 1930-е гг. наблюдается традиционалистский откат, связанный с реабилитацией семейных ценностей и укрепивший пошатнувшийся было патриархальный характер внутрисемейных отношений.

Факторы влияния на эволюцию крестьянской семьи в XX в.
Factors influencing the evolution of peasant families in the 20th century

В ходе этой революционной перестройки сформировался новый тип советской семьи, которую можно рассматривать как некоторую разновидность «современной» семьи (*modern family*). Ее основными функциями были репродуктивная и рекреационная, т. е. воспроизводство и восстановление рабочей силы. В этом смысле семья рассматривалась как производственный элемент организации, а семейные проблемы были включены в сферу ее социальной политики.

Внутренние факторы — это семейные традиции и культурные нормы семейно-брачного поведения, принятые в обществе. Они влияют на разнообразие типов семейных организаций, отражая социальную и этнорелигиозную специфику. Традиция как механизм влияния способствует устойчивости института семьи. Если внешние факторы подталкивают к изменениям, внутренние сопротивляются им, поскольку направлены на сохранение семейных ценностей. Проблемы возникают в условиях быстрой смены культурной нормы и, как правило, приводят к нестабильности/кризису семьи — ситуация, которую можно было наблюдать в 1917 — 1920-е гг.

Демографические катастрофы и сельский социум

Кризис российской семьи тесно связан с еще одним понятием — *демографическая катастрофа*¹. Катастрофы занимают особое место в процессах эволюции семьи. Сам термин был введен в научный оборот А. А. Чупровым в начале 1920-х гг. и использовался для оценки демографической картины, сложившейся в России в период Первой мировой войны. Применительно к истории России первой половины XX в. данное понятие было уточнено В. А. Исуповым. Он предложил в качестве критериев катастрофического состояния демосферы следующие: «внезапное», связанное с внешним фактором, увеличение смертности, при котором ее показатели превышают рождаемость, что приводит к резкому сокращению численности населения и деформации половозрастной структуры [Исупов, с. 9]. Эти критерии были дополнены С. Максудовым, который уточнил количественные параметры катастрофы (сокращение численности населения на 10–20 млн чел.); а также добавил качественные характеристики — снижение средней продолжительности жизни, формирование нового режима воспроизводства, необратимость изменений (сохранение и усиление половозрастной диспропорции) [Максудов, 2012, с. 31–32].

Причинами демографической катастрофы могут стать голод, эпидемии, стихийные бедствия, а также войны и революции. Именно такой сценарий демонстрируют события российской истории первой половины XX в., среди которых по силе влияния выделяются мировые войны, а также Революция 1917 г. и Гражданская война, в совокупности изменившие демографический профиль России. К этому перечню причин может быть добавлена миграция, которая наравне с событиями, повышающими смертность, подрывает демографический потенциал страны или региона.

Таким образом, к изучению демографических катастроф сформировалось два подхода: 1) узкий, ограничивающий причины сокращения численности населения повышенной смертностью [Исупов]; и 2) широкий, включающий в перечень причин не только повышенную смертность, но и миграцию, снижение рождаемости и средней продолжительности жизни [Демографическая модернизация; Максудов, 2012; Райзберг, с. 110].

Расхождения в подходах к определению понятия демографической катастрофы повлияли и на ее диагностику. В частности, в истории России первой половины XX в. В. А. Исупов, основываясь на изучении динамики показателей смертности, выделил две катастрофы (1933–1934 гг. и 1941–1943 гг.) и несколько кризисных периодов (1915–1917 гг.; 1939 — первая половина 1941 гг.) [Исупов, с. 236–237]. В коллективной монографии, вышедшей под редакцией А. Г. Вишневского, также указаны две катастрофы: 1914–1926 гг. и 1927–1953 гг. Авторы рассматривают их как череду событий, усиливающих негативный демографический

¹ *Демографическая катастрофа* — резкое снижение численности населения страны или представителей этноса в связи со значительным ростом смертности, низкой рождаемостью и негативным сальдо миграции [Райзберг, с. 110].

эффект. К ним относятся не только войны, но и ускоренная индустриализация, коллективизация, голод и репрессии [Демографическая модернизация...].

Наиболее обоснованной выглядит точка зрения С. Максудова, который, сочтя демографический и исторический контексты, выделяет в первой половине XX в. три демографические катастрофы: первая соотносится с 1914–1921 гг. и представляет собой результат Первой мировой и Гражданской войн с сопутствующими им голодом, эпидемиями, «красным» и «белым» террором (потери 10–12 млн чел.); вторая катастрофа охватывает 1930-е гг. и непосредственно связана с ускоренной индустриализацией, коллективизацией, массовым голодом и репрессиями (потери 10–11 млн чел.); третья катастрофа произошла в годы Великой Отечественной войны, прямые и косвенные потери в ходе которой достигли 26–29 млн чел. [Максудов, 2012, с. 26].

Этот список, по мнению С. Максудова, не исчерпывает кризисные ситуации, которые пережило российское общество в XX в. Четвертой катастрофой он считает 1990-е гг., когда убыль населения страны в результате сокращения средней продолжительности жизни, роста смертности и миграции составила 14,4 млн чел. [Там же, с. 31–39].

В том же ряду стоит еще одна демографическая катастрофа, поразившая в 1960–1970-е гг. сельскую Россию. В ее основе лежали не столько естественные демографические процессы снижения рождаемости, характерные для поздней стадии демографического перехода, сколько миграция, опустошившая деревню и сформировавшая уже в 1970-е гг. новую демографическую модель села, для которой был характерен режим суженного воспроизводства и общее постарение населения. Первоначально эта катастрофа носила локальный характер, охватывая преимущественно сельскую местность, но в конечном счете отразилась на динамике и структуре городского населения.

По характеру воздействия на общество и его первичную ячейку — семью — демографические катастрофы XX в. также различались. События 1914–1923 гг. потрясли не только демографические основы общества в целом, они повлияли на семью, ускорив процессы ее модернизации. Поскольку в социально-экономическом плане страна находилась на раннеиндустриальной стадии и была преимущественно крестьянской, то сельское население пострадало в большей степени. В частности, из 15,5 млн мобилизованных в годы Первой мировой войны воинов 12,8 млн человек были крестьянами [Ямщиков, с. 166]. В результате военных потерь выросло число вдов, семей без кормильца, которые не могли вести полноценную хозяйственную деятельность. Они пополняли число мигрантов, либо включались в состав родственных семейных коллективов, способствуя увеличению доли составных семей.

Негативный демографический эффект Первой мировой войны, а также событий Гражданской войны был преодолен к концу 1920-х гг., во многом благодаря сохранению крестьянской семьи как производственной единицы. Но ее поджидала другая угроза — сплошная коллективизация, сопровождавшаяся раскулачиванием, бегством тысяч крестьян из деревни в город, повышенной смертностью

в результате репрессий и голода. Демографическая катастрофа 1930-х гг. ударила непосредственно по крестьянской семье, подталкивая семейные коллективы к разукрупнению и нуклеаризации и, главное, изменению их экономического статуса.

Вторая мировая война в равной степени затронула городское и сельское население и способствовала не только сокращению его численности, деформации половозрастной структуры, но и превращению неполных семей в типичное явление. Последствия этой катастрофы оказались необратимыми для сельской местности, где так и не произошло восстановление довоенного уровня ни по численности населения, ни по его структуре. Село превратилось в «бабье царство» в результате военных потерь, а также в связи с массовым отходничеством мужчин (разновидность трудовой миграции) в послевоенный период, ознаменовавшим начало массового бегства из деревни. Его не могли остановить ни административные ограничения (отсутствие паспортов у колхозников, режим прописки), ни пропагандистские компании по привлечению в колхозы специалистов и руководителей. В дальнейшем миграционный поток пополнился молодежью, а с началом реализации политики сселения малых деревень — и семьями в расцвете своего жизненного цикла. Воздействие демографических катастроф на сельское население хорошо прослеживается по табл. 1.

Таблица 1

**Динамика численности населения России и Урала
в первой половине XX в., млн чел.***

Год**	Население России	Население Урала	Сельское население Урала
1897	68,0	6,8	6,352
1900	71,1	7,3	нет данных
1910	85,4	нет данных	нет данных
1920	88,2	6,4	5,209
1926	93,1	10,8	5,379
1937	104,0	12,4	7,982
1939	104,0	10,3	6,082
1945	90,3	13,3	7,044
1959	117,5	17,5	5,311

* Сост. по: [Население Урала, с. 136–138, 190, 192, 194; Всесоюзная перепись населения 1937 г., с. 51, 58–59; Уральский статистический ежегодник, с. 21].

** 1897, 1900, 1910 гг. — данные приведены в границах Пермской и Уфимской губерний; 1920, 1926 гг. — Уралобласти; 1937–1959 гг. — Молотовской, Свердловской, Челябинской, Курганской, Оренбургской областей, Башкирии и Удмуртии.

По данным переписи 1920 г., население Урала (в границах Уралобласти) насчитывало 6 427,2 тыс. чел., из них 55,4 % составляли женщины, 12,7 % — городское население [Уральский статистический ежегодник, с. 21]. За 1920–1923 гг. численность населения Урала в границах Уралобласти сократилась на 581 тыс. чел. за счет крайне низкого естественного прироста [Население Урала, с. 32].

За период между переписями 1926 и 1939 гг. население Свердловской области увеличилось на 973 тыс. чел. (30,9 %), причем городское население выросло на 45 % (1 227,1 тыс. чел.), а сельское уменьшилось на 15,7 % (363,9 тыс. чел.) [Население Урала, с. 34]. Сокращение сельского населения на Урале продолжалось и в послевоенный период, свидетельствуя о необратимости изменений сложившейся модели воспроизводства.

Эволюция крестьянской семьи в первой трети XX в. в зеркале бюджетной статистики

Данное исследование эволюции крестьянской семьи в первой половине XX в. основано преимущественно на изучении первичных данных бюджетных обследований крестьянских хозяйств 1928/1929 г., а также материалов переписей населения. Обращение к статистике бюджетов не случайно: источниковая база изучения крестьянской семьи очень ограничена [Mazur, Gorbachev]. В бюджетных бланках содержались данные по составу семьи с указанием возраста, пола, семейного статуса каждого члена семьи. Кроме того, в программу бюджетных обследований крестьянских хозяйств 1920-х гг. были включены вопросы, ориентированные на ретроспективный анализ семейной динамики, в том числе приводились сведения о составе и хозяйстве крестьянской семьи по состоянию на 1913 г. С использованием технологии баз данных и метода группировки были систематизированы сведения по 325 крестьянским хозяйствам. Географические рамки бюджетного обследования — Уральская область. Изучаемый регион относится к числу промышленных, но в отношении демографических процессов демонстрирует среднестатистический вариант развития, по которому можно судить о российской специфике в целом (см. табл. 2).

Таблица 2

Структура крестьянских домохозяйств Урала по числу членов и динамика их трансформации в 1913–1929 гг.*

Число членов домохозяйства	1913		1929	
	Количество хозяйств	%	Количество хозяйств	%
1	1	0,50	1	0,31
2–4	66	32,67	91	28,00
5–7	83	41,09	196	60,30
8–10	37	18,32	34	10,46
11 и более	14	6,93	3	0,93
нет сведений	1	0,49	0	0,00
Итого	202	100,00	325	100,00

* Подсчитано на основе бюджетов крестьянских хозяйств за 1928/1929 г. [ГАСО, ф. 1812, оп. 12, д. 39–60].

Общая статистическая картина крестьянской семьи в конце 1920-х гг. и ее структурно-количественные характеристики соответствуют представлениям о сохранении ее традиционной модели, для которой были свойственны следующие черты: высокий удельный вес семей с составной многопоколенной структурой, раннее вступление в брак и высокий уровень брачности и рождаемости, религиозно-этническое разнообразие.

Из 325 семей, участвовавших в бюджетном опросе 1928/1929 гг., 202 (62,2 %) хозяйства были созданы до 1913 г., остальные были образованы в 1920-е гг. На вопрос о их состоянии и тенденциях развития 32 % семей отмечали, что хозяйство выросло в сравнении с дореволюционным периодом, 41,5 % — «стоит на месте» и в 25,2 % случаев наблюдался упадок хозяйства, причины которого были связаны с неурожаями, высокими налогами, недостатком рабочего скота, а также нехваткой рабочих рук². Последнее обстоятельство — традиционная проблема уральского земледелия, обостренная последствиями войны и революции. 13,8 % семей в числе причин, мешающих развитию хозяйства, указывали на недостаток рабочих рук и пытались компенсировать его либо путем привлечения наемной рабочей силы на условиях поденной оплаты (66,8 %), либо путем расширения трудового потенциала семьи за счет приемных детей.

Сравнение структуры крестьянских домохозяйств по численности членов семьи свидетельствует о преобладании семей с числом членов от 5 до 7 чел., причем их доля к 1929 г. выросла с 41,1 % до 60,3 %. Численность малых семей (2–4 чел.) составила чуть меньше трети и имела тенденцию к сокращению. Доля крупных хозяйств с числом членов 8 чел. и более сократилась в 2,3 раза: с 25,7 % в 1913 г. до 11,4 % в 1929 г. Колебания в значительной степени вызваны естественными причинами, связанными с жизненным циклом семьи. Кроме того, следует учитывать влияние демографической катастрофы 1914–1923 гг. на развитие домохозяйств. В изучаемый период оно носило противоречивый характер: с одной стороны, военный кризис стимулировал процессы объединения и укрупнения хозяйств; с другой — нэп, налоговая политика советской власти в 1926–1929 гг. и угроза раскулачивания способствовали разделу хозяйств (см. табл. 3).

Средний состав крестьянской семьи по данным бюджетных обследований снизился и составил в 1913 г. 6,1 чел., в 1929 г. — 5,52 чел. При сравнении полученных данных с материалами переписей 1920 и 1926 г. можно отметить, что в бюджетных обследованиях средние показатели выше.

Расхождение средних показателей размера крестьянской семьи, рассчитанных по разным источникам, связано с особенностями выборки при проведении бюджетного обследования. Как отмечает Ю. П. Бокарев, органами статистики преимущественно изучались семейные хозяйства, *систематически* занимающиеся сельскохозяйственной деятельностью и получающие от нее доход. Поэтому

² Здесь и далее, если нет ссылок, статистические показатели рассчитаны на основе БД бюджетов крестьянских хозяйств за 1928/1929 г. [ГАСО, ф. 1812, оп. 12, д. 39–60].

доля крайних групп в бюджетных обследованиях оказалась заниженной [Бокарев, с. 71]. Это также касается крестьян-одинок: в бюджетных материалах 1928/1929 г. был зафиксирован всего один такой случай: хозяйство молодого комсомольца [ГАСО, ф. 1812, оп. 2, д. 39, бюджет 13]; по материалам переписи 1920 г. отмечено 2,9 % одиноких, что можно рассматривать как «норму» для традиционного общества [Уральский статистический ежегодник, с. 270].

Таблица 3

Крестьянское хозяйство на Урале в 1916–1926 гг.*

Показатель	1916	1920	1923	1926
Число хозяйств, тыс.	1105	1088	1075	1224
В среднем на хозяйство:				
Человек	5,11	5,82	4,88	4,7
Рабочих лошадей	1,45	1,41	1,15	1,21
Коров	1,70	1,48	1,18	1,46
Площадь посева, дес.	4,21	3,55	2,69	4,00

* Сост. по: [Уральский статистический ежегодник, с. 268, 270, 272, 281, 284]. Статистические данные пересчитаны в границах Уралообласти.

Таблица 3 позволяет наглядно проиллюстрировать «ответ» крестьянского хозяйства на вызовы войны и революции: при общем сокращении численности крестьянских хозяйств происходит их укрупнение к 1920 г., а затем — в результате восстановления экономики и под влиянием нэпа — разукрупнение и рост производственных характеристик. В некотором смысле концентрация демографических ресурсов — это типичная реакция на кризис, которая позволила сохраниться крестьянскому хозяйству.

Анализируя структуру семей по материалам бюджетных обследований 1929 г., можно сделать вывод о сохранении традиционных механизмов функционирования крестьянской семьи, в основе которых лежали хозяйственные практики: 6,5 % семей относились к числу неполных, в остальных семейное ядро составляла полная брачная пара³.

В 96,6 % случаев хозяйства возглавлялись мужчинами, что также свидетельствует о сохранении традиционных ролевых функций. При утере кормильца вдова, чтобы поддержать хозяйство, стремилась к повторному браку. В материалах бюджетов есть описание нескольких семей, где хозяйка вступала в неравный брачный союз, стремясь решить проблему рабочих рук: в одном случае женщина 48 лет вышла замуж за мужчину 27 лет, который принял на себя функции главы семьи [ГАСО, ф. 1812, оп. 2, д. 42, бюджет 58]; в другом подобная ситуация отмечена в татарской семье — мужчина 29 лет взял в жены 40-летнюю вдову с 4 детьми

³ По данным партийной переписи удельный вес неполных семей в крестьянской среде был заметно выше и достигал в 1922–1923 г. 19,8 % [Мазур, 2016, с. 94].

[ГАСО, ф. 1812, оп. 2, д. 43, бюджет 73]. Вдовцы также стремились вступить в повторный брак, особенно если было необходимо ухаживать за маленькими детьми [Там же, д. 49, бюджет 40]. Эта практика была характерна для уральской деревни в прошлом и встречается в первой половине XX в. Кроме того, сохранялся обычай, когда «детные» вдовы продолжали жить в семье мужа.

В 1929 г. более половины семей в выборке (56,9 %) составили простые нуклеарные семейные коллективы, в большинстве случаев представленные демографическим типом «брачная пара с детьми». Также отмечается высокий удельный вес многопоколенных семей, относящихся к подтипам «расширенные по восходящей» (21,9 %) и «расширенные по нисходящей» (14,8 %). Их дополняют различные варианты неполных семей (6,5 %), половина из которых относится к простым нуклеарным (табл. 4). Интересно, что дальнейшая тенденция развития семейных структур связана с уменьшением разнообразия демографических типов и увеличением удельного веса неполных семей.

Таблица 4

**Распределение крестьянских семей Среднего Урала в 1929–1963 гг.
по демографическому типу***

Демографический тип семьи	1929		1963	
	хозяйств	%	хозяйств	%
Брачная пара без детей (простая)	11	3,38	23	10,41
Брачная пара с детьми (простая)	164	50,46	82	37,10
Брачная пара с детьми и родителями (расширенная по восходящей)	71	21,85	27	12,22
Брачная пара с детьми и внуками (расширенная по нисходящей)	48	14,77	0	0,00
Брачная пара без детей с родителями и родственниками (расширенная боковая)	8	2,46	5	2,26
Братская семья (составная)	1	0,31	0	0,00
Глава семьи (мать или отец) с детьми (простая)	10	3,08	47	21,27
Глава семьи с детьми и родителями (расширенная по восходящей)	1	0,31	17	7,69
Глава семьи с родителями и родственниками (расширенная по восходящей + боковая)	1	0,31	0	0,00
Глава семьи с родственниками (расширенная боковая)	1	0,31	0	0,00
Глава семьи с детьми и внуками (расширенная по нисходящей)	8	2,46	0	0,00
Одинокий	1	0,31	20	9,05
Итого	325	100,00	221	100,00

* Таблица составлена на основе расчетов по базам данных бюджетов крестьянских хозяйств за 1928/1929 и 1963 гг.

Особенностью традиционной крестьянской семьи считается высокий уровень рождаемости и детности. Как показывает бюджетное обследование 1928/1929 г., более 70 % хозяйств имели в своем составе от 2 до 4 несовершеннолетних детей, а 7,4 % — 5 и более детей до 18 лет. Семьи, в которых не было детей или указан один ребенок, встречаются в 22,5 % случаев. Отсутствие детей могло быть связано с бездетностью или, что фиксируется в 60 % случаев, с взрослением детей и переходом их в категорию совершеннолетних членов семьи. Таким образом, показатель «количество несовершеннолетних детей» не отражает в полной мере уровень детности, но позволяет получить представление об особенностях демографического поведения крестьянской семьи. По воспоминаниям крестьянки, «в средней семье было четверо-пятеро детей. Редко было трое. Раньше всех рожали, но умирали много, ведь их не лечили: выживет — так выживет. Нас у мамы девять было, осталось лишь трое» [Бердинских, с. 178].

Итак, в конце 1920-х гг., несмотря на произошедшие в российском обществе перемены, крестьянская семья сохраняла традиционные черты и меньше городской семьи была затронута модернизационными процессами. Внутрисемейные отношения в крестьянских семьях сохраняли патриархальный характер, что подтверждается свидетельствами устной истории. А. А. Марков (1925 г. р.) вспоминает:

В детстве я жил в большой семье. Дед был очень суровый и иногда даже обижал отца, не говоря уж о бабушке и матери. Мы его боялись. Все вопросы решал дед, его слово для нас было законом. Когда он нервничал, мы все прятались. Отец высказывал свои мнения и был недоволен дедом. Однако домостроевскую жизнь в доме сломить не мог. Он отделился от отца и построил свой дом на окраине деревни, где мы жили с мамой, тетей и пятеро ребятишек [Там же, с. 148].

Бюджеты фиксируют и такие семейные традиции, как выплата калыма (выкупа) за невесту, который мог колебаться в конце 1920-х гг. от 20 до 70 руб. [ГАСО, ф. 1812, оп. 2, д. 59, бюджет 267; д. 58, бюджет 210]. Эти данные также подтверждаются воспоминаниями крестьян:

Договаривались о запросе, то есть цене невесты, — рассказывает А. С. Бусыгин, — Маму мою, в свое время, оценили в 60 рублей. Это по тем временам очень большая цена. Для сравнения, корова стоила 30 рублей. Так вот, 30 рублей заплатили деньгами, а 30 рублей — золотом [Бердинских, с. 165–166].

Несмотря на широкую антирелигиозную пропаганду и отделение церкви от государства, в том числе провозглашение гражданского брака в качестве основного [Декрет ВЦИК и СНК от 18(31) декабря 1917 г.], на протяжении 1920-х гг. в крестьянской среде сохранял свои позиции церковный брак. Исполнение семейных церковных обрядов соблюдалось практически всеми, даже членами партии и комсомольцами. Известны случаи, когда коммунисты — участники обряда венчания — исключались из партии [ЦДООСО, ф. 76,

оп. 1, д. 574, л. 192; д. 569, л. 145–154]. Таким образом, религия и религиозная семейная обрядность оставались характерными чертами образа жизни крестьянства вплоть до конца 1920-х гг. Дополнительным фактором, ускорившим процесс секуляризации крестьянской повседневности, стало массовое закрытие церквей (1929–1930). Если в 1917–1921 гг. церковными были 9 браков из 10, то в 1934–1935 гг. — всего 2,4 % [Население Урала, с. 53].

Новым явлением в российской деревне 1920-х гг. стал развод. Разрешенный декретами советской власти, он не сразу стал привычным для крестьян, но способствовал росту нестабильности семьи [Декрет ВЦИК и СНК от 16(29) декабря 1917 г.]. В 1,8 % бюджетных бланков «нелады в семье» указывались в качестве причины упадка хозяйства. Инициатором развода чаще всего выступал мужчина. В одном из бланков бюджетного обследования отмечено, что крестьянин деревни Малые Лужки Пермского округа Уральской области в возрасте 40 лет оставил жену и пять несовершеннолетних детей [ГАСО, ф. 1812, оп. 2, д. 48, бюджет 95]. В расходной части бюджетов неоднократно встречаются факты выплаты алиментов [Там же, д. 60, бюджет 252; д. 47, бюджет 108; бюджет 96]. Всего в 1920-е гг. в сельской местности СССР на каждую тысячу браков приходилось от 100 до 150 разводов — почти вдвое меньше, чем у горожан [Вербицкая, 2010, с. 340].

Таким образом, к началу массовой коллективизации крестьянская семья сохраняла свои традиционные черты, и не сразу, но преодолела негативные последствия первой демографической катастрофы. Вместе с тем фиксируются и новые моменты, свидетельствующие о переменах, — увеличение доли средних семей при сокращении крайних групп (малых и крупных семей), что связано с уменьшением детской смертности, а также распространение в крестьянской среде разводов и гражданских браков.

Кризис крестьянской семьи на Урале в 1930–1950-е гг.

Серьезные изменения в семейной структуре российского крестьянства и функциях семьи происходят в 1930-е гг. На семейные процессы в этот период оказали влияние три основных события: 1) коллективизация, следствием которой стали ликвидация индивидуальных хозяйств и изменение аграрного строя, основу которого составили крупные сельскохозяйственные предприятия — колхозы и совхозы; 2) раскулачивание и последующие репрессии; 3) голод 1932–1933 гг.

Всего в 1929–1932 гг. от раскулачивания пострадали, по данным В. Н. Земскова, около 4 млн чел., из них в 1930–1940 гг. в кулацкой ссылке побывало 2,5 млн чел. [Земсков]. По общему признанию, это были наиболее успешные в экономическом плане, а значит, и наиболее крупные и демографически сбалансированные хозяйства [Нефедов]. Объективно раскулачивание способствовало разукрупнению крестьянской семьи, которое началось еще в 1927–1928 гг. Семьи, не попавшие под раскулачивание, стали жертвой голода 1932–1933 гг.,

унесшего, по разным расчетам, от 7 до 10 млн жизней⁴. Последовавшие репрессии, в том числе по экономическим основаниям [Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г.], завершили процесс нуклеаризации крестьянской семьи. По данным переписи 1939 г., на Урале вырос удельный вес малых семей из 2–4 человек — до 64,3 %; и, напротив, сократилась доля больших семей (так, семьи из 5–7 человек составили 32 %; из 8 и более человек — 3,7 %). Средний состав крестьянской семьи снизился до 4,03 чел. [подсчитано по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г., с. 289].

В переписи 1939 г. доля одиноких среди сельского населения Урала составила 1,8 %, в том числе в Свердловской области — 2,4 %, в Пермской области — 2,6 %, в Челябинской — 2 % [Население Урала, с. 55]. К ним относились лица, не состоявшие в браке, не имеющие семьи и не поддерживающие регулярных материальных связей с семейной группой. В 1939 г. удельный вес одиноких находился на уровне 1920 г. и соответствовал статистической «норме», в послевоенный период он превращается в проблему одиночества, преимущественно женского. По данным бюджетной статистики 1963 г., число одиноких колхозников в уральской деревне составляло около 9,1 % [Мазур, 2012, с. 380].

Другая заметная тенденция 1930-х гг. — снижение рождаемости. Среди сельского населения России с 1925 по 1939 гг. рождаемость сократилась с 47,6 на 1 000 чел. в 1925 г. до 38,6 рождений в 1939 г., в то время как среди городского населения этот показатель практически не изменился [Естественное движение..., с. XXII; ГАРФ, ф. 8009, оп. 6, д. 503, л. 26–27]. Снижение рождаемости — это объективный процесс в условиях демографической модернизации, но в рассматриваемый период он приобрел кризисные черты, связанные с ранним поворотом к малодетности под влиянием внешних факторов: во-первых, вовлечения женщин в общественное производство⁵; во-вторых, отсутствия социальной инфраструктуры по уходу за детьми; и главное — низкого уровня доходов колхозников. Последнее обстоятельство способствовало формированию отрицательной мотивации рождаемости. В 1938 г. среднее количество детей в крестьянских семьях России сократилось до 4,4 вместо 5,4 (в 1926/1927 г.), а к 1959 г. уменьшилось до уровня менее 3 человек [Курман, с. 5]. В целом демографический потенциал крестьянской семьи в довоенный период обеспечивал прирост населения, хотя и на уровне, близком к простому воспроизводству.

Правительство прикладывало усилия для увеличения рождаемости. Помимо запрета абортов, оно вводило дополнительные единовременные выплаты [Указ Президиума Верховного Совета]. Однако эти меры не всегда были доступны колхозникам и не могли компенсировать материальных проблем многодетной

⁴ С. Максудов определял число смертей от голода в 9,8 млн ± 3 млн [Максудов, 1989, с. 145–147, 154]; Р. Конквест — в 8 млн [Конквест], отечественные демографы говорят о 7,2–10,8 млн [Население России в XX веке, с. 275–276].

⁵ С 1939 г. каждый трудоспособный колхозник и колхозница должны были отработать обязательный минимум трудодней: от 60–80 до 100 (в хлопковых районах) трудодней в году [Постановление ЦК ВКП(б) и СНК от 27 мая 1939 г.].

семьи. Несмотря на отсутствие эффективных способов регулирования рождаемости, ее уровень продолжал снижаться.

Демографические потери крестьянства в 1930-е гг. усугублялись переменами в хозяйственной деятельности семьи, которые принесла с собой коллективизация. В ее ходе была предпринята попытка лишить семью собственного хозяйства и переключить демографические ресурсы крестьянской семьи на колхозное производство. Но поскольку вновь создаваемая колхозная система основывалась на внеэкономических методах управления (реквизиционно-мобилизационная модель) и не учитывала интересы крестьянства даже на витальном уровне, декларируя оплату труда, но фактически ее не гарантируя, отказаться полностью от семейных хозяйственных практик было невозможно. В результате на смену крестьянскому хозяйству как полноценному экономическому организму пришел его редуцированный вариант — приусадебное хозяйство с урезанной отраслевой структурой (без полевого надела). Размеры приусадебного хозяйства колхозника имели ограничения по основным производственным показателям — земельному наделу, количеству продуктивного скота, птицы [Примерный устав сельскохозяйственной артели]. Оно не требовало слишком много рабочих рук и базировалось на ручном, преимущественно женском и детском, труде. Кроме того, практика наделения семей колхозников приусадебной землей не зависела от количества членов, как это было в крестьянской общине, и объективно способствовала их дроблению. Дети, вступив в брак, стремились отделиться от родительской семьи и создать свое хозяйство. В любом случае экономическая потребность сельского сообщества в большой многодетной семье исчезла.

Целью приусадебного хозяйства, согласно Уставу, было обеспечение потребностей семьи в продуктах питания, но на практике вплоть до 1960-х гг. оно выполняло функции основного источника формирования бюджета семьи, в том числе в денежной форме. Таким образом, производственная функция крестьянской семьи сохранялась. В 1940–1950-е гг. проводилась политика ограничения личного подсобного хозяйства, которая дополнялась налоговыми ужесточениями, способствовавшими самоограничению производственной деятельности крестьян. В совокупности все эти меры вели к дальнейшему свертыванию семейного производства и разрушению того, что составляло экономическую основу крестьянской семьи [Мазур, 2012].

Углубление кризиса и завершение демографического перехода было связано с Великой Отечественной войной и ее демографическими последствиями, а также с послевоенной аграрной политикой советского руководства, имевшей ярко выраженный антикрестьянский характер. Одним из последствий такой политики стал голод 1946/1947 г., охвативший наиболее плодородные территории — Украину и Центрально-Черноземный район России. По оценке М. Эллмана, всего от голода в 1946–1947 гг. в СССР погибло от 1 до 1,5 млн чел. [Эллман]. Обнищание крестьян, тяжелые условия труда и быта способствовали росту миграционных настроений: сначала трудоспособные мужчины, а с середины 1950-х гг. — и женщины стали покидать деревню и переезжать в город.

В целом, послевоенный этап характеризуется резким уменьшением численности сельского населения (на Урале с 1941 по 1965 г. оно сократилось на 41 % [Население Урала, с. 137–139]), изменением его половозрастной и, как следствие, семейной структуры. В частности, из-за прямых потерь мужского населения в годы войны, а также миграционного оттока в послевоенный период увеличилась доля неполных семей и выросло число одиноких женщин, сократилось количество детей в семье. Согласно данным демографической статистики, в 1950 г. семей с одним-тремя детьми в российской деревне было большинство (72,8 %), а в 1960 г. — 80 %. Соответственно, стремительно снижалась доля многодетных семей с четырьмя и более детьми [Вербицкая, 2011]. Продолжилось снижение средней численности крестьянской семьи: в 1926 г. на Урале она составила 4,06 чел., к 1939 г. — 4,03 чел., в 1959 г. — 3,7 чел. [Население Урала, с. 55].

К началу 1970-х гг. в сельской местности Нечерноземья и во многих регионах центральной России устанавливается режим суженного воспроизводства, в основе которого лежали как изменения в естественном движении населения, так и миграционные процессы.

Выводы

Влияние демографических катастроф на семейные структуры и семейно-брачное поведение было противоречивым. С одной стороны, они деформировали базисные демографические процессы (рождаемость, смертность), преждевременно меняя форму тренда с линейной (характерной для ранней стадии демографического перехода) на логистическую. С другой стороны, под влиянием войн и революций шел ускоренный процесс разрушения традиционной семьи с последующей ее модернизацией. Вместе с тем, сохранение в качестве экономической основы крестьянской семьи приусадебного хозяйства в определенной мере способствовало укреплению ее архаических черт — патриархального характера внутрисемейных отношений, традиций половозрастного распределения труда, подчиненной роли женщины.

Таким образом, для семейной жизни крестьян было характерно отставание социальных трансформаций от демографических. Этот разрыв во многом определял специфику демографического перехода крестьянской семьи, который в целом завершился к началу 1980-х гг.

Демографический переход российской крестьянской семьи охватил в общей сложности около 100 лет: с 1860-х по 1970-е гг., т. е. протекал достаточно быстро. Наиболее значимые трансформации пришлось на 1930–1960-е гг.; происходили они на фоне демографических катастроф, которые затронули в первую очередь сельское население. Коллективизация и формирование нового аграрного строя, где крестьянская семья выступала в качестве источника, обеспечивающего трудовыми ресурсами общественное производство, привели к кризису традиционной семьи-дворохозяйства и ускоренной ее перестройке. Фактором, окончательно подорвавшим демографический потенциал сельской местности, стала

гипертрофированная сельская миграция 1950–1960-х гг., по своим последствиям также сопоставимая с демографической катастрофой.

Опираясь на материалы бюджетных обследований и данные переписей населения Урала, можно выделить следующие этапы демографического перехода, характерные для крестьянской семьи.

I этап — вторая половина XIX — первая треть XX в. (эволюционный) — характеризуется постепенным накоплением модернизационных изменений в семейной сфере, которые, однако, не касались ее экономической основы и не меняли принципиально семейной структуры крестьянства, в целом соответствующей традиционному типу. Первая демографическая катастрофа ускорила модернизационную перестройку внутрисемейных отношений, но, благодаря сохранению традиционной модели воспроизводства, негативные последствия катастрофы были компенсированы.

II этап — 1930-е гг. (кризис крестьянской семьи) — связан с проведением массовой коллективизации. Она способствовала: 1) разукрупнению крестьянской семьи и ее нуклеаризации; 2) вовлечению женщин в общественное производство и повороту к малодетности; 3) разрушению экономической основы крестьянской семьи. Демографический потенциал семьи на данном этапе сохранялся и обеспечивал режим расширенного воспроизводства.

III этап — 1940–1950-е гг. (углубление кризиса) — отягощен невосполними демографическими потерями в Великой Отечественной войне, а также послевоенным кризисом колхозного производства, ставшего причиной массового бегства из села. К концу 1950-х гг. в сельской местности складывается суженный тип воспроизводства, а смещения в половозрастной структуре сельского населения приобретают необратимый характер.

IV этап — 1960–1980-е гг. (завершение демографического перехода). Крестьянская семья окончательно теряет свою экономическую основу: приусадебное хозяйство приобретает статус подсобного, что способствует трансформации крестьянской семьи в разновидность современной урбанизированной семьи, проживающей в сельской местности. В 1990-е гг., благодаря фермерскому движению, имели место попытки реанимации крестьянской семьи как особого типа, но без заметного успеха.

На Урале демографические катастрофы носили более сглаженный характер, чем в центральных и западных районах России, сильнее пострадавших от опустошительных войн и голода первой половины XX в. Демографические процессы на Урале подпитывались миграционным притоком как репрессированных, так и завербованных на стройки пятилетки, а в годы Великой Отечественной войны — эвакуированных. Положительный миграционный баланс вплоть до 1950-х гг. смягчал общую ситуацию, но для сельской среды и крестьянской семьи эти моменты не играли особой роли.

Источники

- Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М. : ИРИ РАН, 1991.
- Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г. Уральский регион / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург : Изд-во гуманитар. ун-та, 2002.
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8009 : М-во здравоохранения СССР, 1936–1991.
- ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 1812 : Свердл. обл. комитет гос. статистики гос. комитета РФ по статистике, 1924–1933.
- Декрет ВЦИК и СНК от 18(31) декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» // Декреты Советской власти. Т. I : 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 247.
- Декрет ВЦИК и СНК от 16(29) декабря 1917 г. «О расторжении брака» // Декреты Советской власти. Т. I : 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 237–238.
- Естественное движение населения РСФСР за 1926 г. М. : ЦСУ РСФСР, 1928.
- Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // Собрание законодательства СССР. 1932. № 62. Ст. 360.
- Постановление ЦК ВКП(б) и СНК от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4188.htm (дата обращения: 25.06.2019).
- Примерный устав сельскохозяйственной артели. Утвержден СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 года // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4042.htm (дата обращения: 25.06.2019).
- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» // Система «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/186976/> (дата обращения: 25.06.2019).
- Уральский статистический ежегодник. 1923/1924 гг. / под ред. В. С. Немчинова, П. Ф. Неволлина. Свердловск : Урал. облисполком, 1925.
- ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 76 : Екатеринбург. губ. комитет РКП(б).

Исследования

- Бердинских В.* Русская деревня: быт и нравы. М. : Ломоносов, 2013.
- Бокарев Ю. П.* Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М. : Наука, 1981.
- Вербицкая О. М.* Основные закономерности развития сельской семьи в России в XX в. // Тр. Ин-та рос. истории. Вып. 9. М. ; Тула, 2010. С. 332–353.
- Вербицкая О. М.* Женщины и дети в сельских семьях России (1930–1950-е годы) // Уваровские чтения — VII. Семья в традиционной культуре и современном мире : материалы Всерос. науч. конф. Муром, 29 апреля — 1 мая, 2008 г. Владимир : Транзит ИКС, 2011. С. 199–205. URL: <http://old.museum-murom.ru/nauch-rab/uvar-vii/zhenshchiny-i-deti> (дата обращения: 25.06.2019).
- Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М. : Новое изд-во, 2006
- Земсков В. Н.* К вопросу о масштабах репрессий в СССР // Социол. исследования. 1995. № 9. С. 118–127.

- Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск : Сиб. хронограф, 2000.
- Конквест Р. Жатва скорби // Новый мир. 1989. № 10. С. 179–200.
- Курман М. Динамика среднего числа детей в семье в СССР // Подрастающее поколение: Демографический аспект / ред. Д. И. Валентей. М. : Статистика, 1981. С. 3–18.
- Мазур Л. Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX — XX в). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012.
- Мазур Л. Н. Семья коммунистов Екатеринбургской губернии (по материалам Всероссийской партийной переписи 1922 г.). DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.045 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2016. Т. 18. № 3 (154). С. 85–105.
- Максудов С. Потери населения СССР. Benson, Vermont : Chalidze Publications, 1989.
- Максудов С. Четвертая демографическая катастрофа // Свободная мысль. 2012. № 1–2. С. 24–39. URL: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/1-2-2012/03.pdf (дата обращения: 06.06.2019).
- Население России в XX веке. Исторические очерки : в 3 т. / Рос. акад. наук, Отд-ние истории, Науч. совет по ист. демографии и ист. географии, Ин-т рос. истории ; [отв. ред. Ю. А. Поляков]. Т. 1 : 1900–1939 / отв. ред. В. Б. Жиромская. М. : Рос. полит. энциклопедия, 2000.
- Население Урала. XX век. История демографического развития / А. И. Кузьмин, А. Г. Оруджиева, Г. Е. Корнилов. Екатеринбург : Екатеринбург, 1996.
- Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013.
- Райзберг Б. А. Современный социоэкономический словарь. М. : ИНФРА-М, 2012.
- Элман М. Голод 1947 г. в СССР // Экономическая история. Обзорение. Вып. 10 / под ред. Л. И. Бородинки. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 197–199.
- Ямщиков С. В. Социально-психологические детерминанты «солдатской революции» 1917 г. в России // Историческая психология и социология истории. 2008. № 2. С. 163–179.
- Mazur L., Gorbachev O. Primary sources on the history of the Soviet family in the twentieth century: an analytical review // The History of the Family. 2016. Vol. 21. Iss. 1. Special Issue: Three Centuries of Northern Population Censuses. P. 101–120.

References

- Berdinskih, V. (2013). *Russkaya derevnya: byt i nray* [Russian Village: Life and Customs]. Moscow: Lomonosov. (In Russian)
- Bokarev, Yu. P. (1981). *Byudzhetye obsledovaniya krest'ianskikh hoziajstv 20-h godov kak istoricheskij istochnik* [Budget Surveys of Peasant Farms of the 1920s as a Historical Source]. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Conquest, R. (1989). Zhatva skorbi [Harvest of Sorrow]. *Novyy mir*, 10, 179–200. (In Russian)
- Ellman, M. (2005). Golod 1947 g. v SSSR [The Famine of 1947 in the USSR]. In L. I. Borodkin (Ed.), *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie* (Iss. 10, pp. 197–199). Moscow: Moscow University Press. (In Russian)
- Isupov, V. A. (2000). *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: Istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic Disasters and Crises in Russia in the First Half of the 20th Century: Historical and Demographic Essays]. Novosibirsk: Sibirskij hronograf. (In Russian)
- Kurman, M. (1981). Dinamika srednego chisla detej v semje v SSSR [The Dynamics of the Average Number of Children in the Family in the USSR]. In D. I. Valentej (Ed.), *Podrastayushchee pokolenie: Demograficheskij aspekt* [The Younger Generation: Demographic Aspect] (pp. 3–18). Moscow: Statistika. (In Russian)
- Kuzmin, A. I., Orudzhieva, A. G., & Kornilov, G. E. (1996). *Naselenie Urala. XX vek. Istoriiya demograficheskogo razvitiia* [The Population of the Urals. 20th Century. History of Demographic Development]. Yekaterinburg: Yekaterinburg. (In Russian)

- Maksudov, S. (1989). *Poteri naseleniya SSSR* [The Loss of the Population of the USSR]. Benson, Vermont: Chalidze Publications. (In Russian)
- Maksudov, S. (2012). Chetvertaya demograficheskaya katastrofa [Fourth Demographic Catastrophe]. *Svobodnaya mysl'*, 1–2, 24–39. Retrieved from http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/1-2-2012/03.pdf. (In Russian)
- Mazur, L. N. (2012). *Rossiyskaya derevnya v usloviyakh urbanizatsii: regional'noe izmerenie (vtoraya polovina XIX – XX v.)* [The Russian Village in the Conditions of Urbanization: Regional Dimension (the Second Half of the 19th – 20th Centuries)]. Yekaterinburg: Ural University Press.
- Mazur, L. N. (2016). Semja kommunistov Ekaterinburgskoj gubernii (po materialam Vserossijskoj partijnoj perepisi 1922 g.) [The Family of Yekaterinburg Governorate Communists (With Reference to the 1922 All-Russian Party Census)]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 18, 3 (154), 85–105. doi: 10.15826/izv2.2016.18.3.045 (In Russian)
- Mazur, L., & Gorbachev, O. (2016). Primary Sources on the History of the Soviet Family in the Twentieth Century: An Analytical Review. *The History of the Family*, 21(1), Special Issue: Three Centuries of Northern Population Censuses, 101–120.
- Nefedov, S. A. (2013). *Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoj kollektivizatsii* [Agrarian and Demographic Results of Stalin's Collectivization]. Tambov: TGU im. G. R. Derzhavin Publishing House. (In Russian)
- Reisberg, B. A. (2012). *Sovremennyyj socioekonomicheskij slovar'* [Modern Socio-Economic Dictionary]. Moscow: INFRA-M. (In Russian)
- Verbitskaya, O. M. (2010). Osnovnye zakonomernosti razvitiia sel'skoj semji v Rossii v XX v. [Basic Laws of Development of the Rural Family in Russia in the 20th Century]. *Trudy Instituta rossijskoj istorii*, 9, 332–353. (In Russian)
- Verbitskaya, O. M. (2011). Zhenshchiny i deti v sel'skikh semjakh Rossii (1930–1950-e gody). In *Uvarovskie chteniya – VII. Semja v traditsionnoj kul'ture i sovremennom mire: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Murom, 29 aprelya – 1 maya, 2008 g.* [Uvarov Readings – VII. Family in Traditional Culture and the Modern World] (pp. 199–205). Vladimir: Tranzit IKS. Retrieved from <http://old.museum-murom.ru/nauch-rab/uvar-vii/zhenshchiny-i-deti>. (In Russian)
- Vishnevsky, A. G. (Ed.). (2006). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [Demographic Modernisation of Russia, 1900–2000]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian)
- Yamshchikov, S. V. (2008). Sotsial'no-psihologicheskie determinanty “soldatskoj revolyutsii” 1917 g. v Rossii [Socio-psychological Determinants of the “Soldier Revolution” of 1917 in Russia]. *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii*, 2, 163–179. (In Russian)
- Zemskov, V. N. (1995). K voprosu o masshtabah repressij v SSSR [On the Question of the Extent of Repression in the USSR]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 9, 118–127. (In Russian)
- Zhiromskaya, V. M. (Ed.). (2000). *Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki* [The Population of Russia in the 20th Century. Historical Essays] (Vol. 1: 1900–1939). Moscow: Rossijskaja politicheskaja enciklopediya. (In Russian)

Мазур Людмила Николаевна

доктор исторических наук, заведующая
кафедрой документоведения,
архивоведения и истории государственного
управления
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: Lmaz@mail.ru

Mazur, Ludmila Nikolaevna

Dr. Hab. (History), Associate Professor,
Head of the Department of Document
Management, Archives and History
of Public Administration
Ural Federal University
4, Turgenyev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: Lmaz@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0407-3816
Researcher ID: B-3622-2016
Scopus ID: 56625686000